

УДК 821.111

ТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА И «КОНЕЦ ИСТОРИИ» В РОМАНАХ М. БРЭДБЕРИ

А.А. МАРДАНОВ

(Полоцкий государственный университет)

Исследованы проблемно-тематические особенности творчества Брэдбери, такие как текстуализация субъекта, общества, культуры и осмысление истории Западной и Восточной Европы и постисторичной ситуации постмодерна. Писатель гиперболизировал текстовую природу субъекта, сравнивая его сознание и тело с интерпретируемым текстом, который провозглашает своё существование с помощью различных семантических систем и который невозможно прочесть однозначно. Качества постмодернистского текста автор также переносил на современное ему общество. Романы Брэдбери в значительной степени политизированы. В них нередко изображаются действия и мысли наивного западного либерала в ранее «враждебной» Восточной Европе, недовольного культурной ситуацией «конца истории» и желающего восстановить разрушенные оппозиции, противостоять глобализации, гомогенизации культуры, стандартизации личности и стиранию индивидуальности.

Введение. Английский писатель Малкольм Брэдбери (Sir Malcolm Stanley Bradbury, 1932 – 2000) исследовал английскую литературу в социальном и историко-культурном контексте¹. Роман-хроника является одним из жанров, составляющих такие произведения, как «Историческая личность» (*The History Man*, 1975), «Обменные курсы» (*Rates of Exchange*, 1983), «Профессор Криминале» (*Doctor Criminale*, 1992), «В Эрмитаж» (*To the Hermitage*, 2000) и др. В них отражается история Западной и Восточной Европы, политические, культурологические и социальные изменения, демонстрирующие ход истории. Кроме того, эти и другие произведения Брэдбери настолько насыщены постструктуралистскими теориями, что некоторые эпизоды создают впечатление переработки теорий в прозу². Они содержат множество размышлений о языке, тексте, семиотике, знаке и т.п. Автор интерпретировал идеи крупных теоретиков постмодернизма (лингвистов, литературоведов, культурологов, философов), анализировал их вклад в науку.

Основная часть. Всё в постмодернистской культуре, по мнению Брэдбери, – язык. В произведениях автора говорится о постоянной необходимости совершать процесс провозглашения своего существования с помощью этого искусственного средства (языка), обеспечивая посредством его своё восприятие другими субъектами. Субъект уподобляется письменному тексту, существование которого возможно только при восприятии его читателем. Язык, по мнению автора, – выдуманная система обмена, попытка обратить слово в мир, знак – в ценность, надпись – в платёжное средство, код – в реальность» [2, с. 19]. В романе «Обменные курсы» автор писал: «вот ты, cher lecteur, со своим тюнингованным “вольво”, кварцевыми часами “Сейко”, радиотелефоном и высоким мнением о Вуди Алене...; или ты, chère ms., с туфельками от Гуччи, рассказами психоаналитика о твоём эго и пуговками модной блузки, расстёгнутыми так, чтобы показать сейшелльский загар и привлекательные вторичные половые признаки, вызвать интерес и в то же время не сбить цену; и даже ты, cher enfant, со своим модным комбинезоном и пристрастием к Эмерсону, Лейку и Палмеру – чем вы все заняты, как не выкладыванием того, что считаете собой, на чашу весов в попытке обрести смысл, определить цену, продать себя по самому высокому обменному курсу» [3, с. 19]. Это процесс обмена системы искусственно наделённых определённым смыслом знаков на существование в объективной реальности.

В качестве текста, подвергающегося дешифровке, у Брэдбери часто выступает субъект и его действия. Когда персонажи пытаются понять смысл поступков и мыслей других персонажей, акцентируется акт их интерпретации как письменного текста со ссылкой на определённых теоретиков. Гиперболизируя текстуализацию субъекта, автор отождествлял с текстом его тело и сознание с текстом: «...мы научились воспринимать его... как письмо, как текст, провокационный текст...» [2, с. 186]. Главные герои размышляли о других персонажах в грамматических и литературоведческих категориях: «...говоря, он сам упо-

¹ См. «Что такое роман?» (*What is a Novel?*, 1969), «Современная английская литература в социальном контексте» (*The Social Context of Modern English Literature*, 1971), «Возможности: Эссе о состоянии романа» (*Possibilities: Essays on the State of the Novel*, 1973).

² Например, имя профессора, не прибывшего на конференцию, «...осталось в программе как знак его отсутствия» («...remained in the programme as the sign of his absence») [1, р. 321]. Нередко автор иронично использовал цитаты известных критиков о языке, авторе, тексте, превращая их в пародию. Например, снятие таблички с двери кабинета преподавателя («Сочинение») – символ упразднения авторитета, идеологической монополии, центра, имени и самого субъекта.

рядочивается, как предложение, вырастающее в абзац, из абзаца в страницу, из страницы – в сюжет, у которого, как положено, есть начало, середина и конец. Текст становится Петвортом, Петворт – текстом...» [3, с. 253], «он утомился, устал с дороги..., он чувствует, что разобран по составу и деконструирован, как некое умозрительное предложение...» [3, с. 91].

С помощью постструктуралистских теорий о дешифровке знаков автор развивал мотив ненадёжности интерпретации, декодирования: «для меня ...его присутствие неопределённо, его знак скрыт. Его трудно прочесть и интерпретировать... [...] ...Он незавершённый текст, который трудно деконструировать, тем не менее, по этой же причине, требующий деконструкции»³ [1, р. 39]. По мнению писателя, провозглашавшего агностицизм, в процессе индивидуальной интерпретации происходит только умножение версий об анализируемом объекте, в то время как достижение истины, стабильного означаемого, невозможно. Часто семиотическая нестабильность демонстрировалась на бытовом уровне. Например, кожаные штаны Козимы («Профессор Криминале») некоторые персонажи считали символом высокой моды в определённое время в Германии, другие – символом садизма и насилия.

Брэдбери утверждал, что субъект не может знать ничего о самом себе (непосредственное познание), не говоря о другом субъекте (опосредованное познание): «как я могу ожидать, что вы меня поймёте, когда я сам едва себя понимаю!»⁴ [1, р. 61]. Отсюда в романах автора повторяется мотив абсурдности оценок из-за субъективности восприятия. Нельзя одному субъекту помещать другого на шкале достоинств, претендуя на объективность: «...оценивание – не безобидное занятие. Оно идеологически обусловлено»⁵ [4]; «оценки – это дерьмо»⁶ [5, р. 300]; «оценки – это репрессия...»⁷ [5, р. 300]. В «Исторической личности» и в рассказе «Сочинение» (*Composition*, 1988) преподаватели осознают абсурдность оценок под воздействием студентов, которые с помощью фотографий, на которых преподаватели изображены в компрометирующих обстоятельствах, демонстрируют невозможность единственно правильного определения происходящего на фото («Историческая личность») или намерений, по которым эти фотографии были сделаны и отправлены изображённому на них преподавателю («Сочинение»). Это также символизирует принципиальную неполноту прочтения текста, невозможность истощения смыслового потенциала, незавершённость каждого процесса означивания. В обоих случаях осуществляется попытка наделить объекты интерпретации (как письменный текст) единым и правильным смыслом в соответствии со стереотипными общественными и идеологическими установками, что у них не получается. В «Профессоре Криминале» также говорится о попытках декодировать фото: «в фотографии многое случайно, их гораздо труднее читать, чем книги. [...] Да, фотографии трудно читать»⁸ [1, р. 340].

В произведениях акцентируется идея плавающего означаемого, процессуальности означивания, недостижимости трансцендентального означаемого. В романе «В Эрмитаж!» ссылкой на бесконечную отсылку одного означаемого к другому, которая никогда не завершается, является эпизод с похоронами Декарта. Сначала его хотят похоронить в Королевском кафедральном соборе, но он – лютеранский, потом – в католической церкви, но католики считают его вольнодумцем, потом – в неосвященной земле для самоубийц, потом его эксгумируют и перевозят в Копенгаген, оттуда – во Францию, в аббатство Сен-Виктуар, потом – в Пантеон, но якобинцы запрещают, потом – в Парк-музей монументов, потом – в Латинский квартал в церкви Сен-Жермен-де-Пре. По мере того как его перемещают, от него остаётся несколько костей, что символизирует утрату смысла в результате его бесконечной отсрочки.

Брэдбери также осуществлял перенос качеств постмодернистского текста (коллаж, цитата, антииерархичность и др.) на общество, когда приводил обширные отступления, посвящённые описанию многонациональных собраний представителей различных рас, возрастов, одетых в разнообразные одежды. Характеризуя современную автору культурно-историческую ситуацию, Брэдбери отмечал такие типично постмодернистские черты, как нейтрализация бинарных оппозиций, размывание границ между их элементами (массовое – элитарное, высокое – низкое). Он говорил, что нет великой мудрости, равно как великой глупости и ошибки («Профессор Криминале», «Сочинение»). По мнению Брэдбери, ничто не является реальным или определённым; никакая идеология, психология, социология, теология не лучше, чем любая другая. Жизнь – непреходящий шопинг, бесконечное медиа-представление, в котором всё – развлекательное или гротескное, эротическое или отвратительное, героическое или пошлое, сентиментальное или позорное – всегда является допустимым мировоззрением. Брэдбери соединял противопо-

³ «To me ...his presence is obscure, his sign is occluded. He's hard to read and interpret... [...] ...He's an incomplete text, difficult to deconstruct, yet for that reason requiring to be deconstructed...» [1, p. 39].

⁴ «How could I expect you to understand me, when I barely understand myself» [1, p. 61].

⁵ «...Marking is not an innocent occupation. It's ideologically conditioned» [4].

⁶ «Grades are crap» [5, p. 300].

⁷ «Grades are repression...» [5, p. 300].

⁸ «Photographs are random and much harder to read than books. [...] Yes, photographs are hard to read» [1, p. 340].

ложные понятия с целью демонстрации децентрации, антииерархичности, отсутствия истины, смешения различных уровней дискурса в современном обществе – слияния серьёзного и несерьёзного – как в постмодернистской поэтике.

Произведения Брэдли существенно политизированы. В романе «В Эрмитаж!», который в значительной степени является автобиографическим, главный герой говорил о самом себе: «...я всего лишь старый либерал-гуманист» [2, с. 146]. Сам Брэдли был сторонником гуманистической миссии литературы и выступал против экстремизма, тоталитаризма и диктатуры за социальный прогресс с помощью консенсуса, а не с помощью конфликта. Как пишет Т.Н. Тамарченко, «политический радикализм и тэтчеровский материализм – в равной мере чуждые ему явления...» [6, с. 86]. Писатель приводил объёмные отступления об истории, переменах в политической жизни и философской мысли в Европе в целом и в странах, которые упоминаются в произведениях.

Исторические сведения подаются отрывочно, лаконично и предвзято, с точки зрения западного европейца. Например, о Финляндии автор писал, что она не существует вне истории: «...её беспокоили, притесняли, разделяли и оккупировали; она и теперь жила под угрозой. Всем известны её “Большая злоба” и “Малая злоба”, Красная революция и Зимняя война. [...] Совсем недалеко отсюда проходила русская граница: вооружённые солдаты на вышках, мины и ловушки в снегу. В эти места дважды убегал Ленин...; ему помогали финские коммунисты. А затем, в 1918 году, по этой дороге спасались от преследования ЧК... Половина финнов в то время поддерживала коммунистов, а другая уповала на немцев, приход которых якобы должен был избавить Балтийский регион от опасностей. Финляндия не привыкла к миру: слишком близко была Россия» [2, с. 271 – 272]. В произведениях часто описываются действия наивного либерала, который пытается ориентироваться на «...чужой (и иногда угрожающей) территории»⁹ [7] Восточной Европы. Брэдли неоднократно передавал ощущение враждебности, исходящей из России: «...пока история рычит по-медвежьи с другого, далёкого берега Балтики, я прихлёбываю кофе...» [2, с. 104]. По мнению автора, национальная особенность русских в том, что их тянет к крайностям, они постоянно стремятся делать историю, но им не хватает человечности. Это пугает персонажей романов Брэдли.

Особенно часто автор противопоставлял культуру и политику Западной и Восточной Европы. Он хвалил достижения демократии на Западе: «...в Швеции – в царстве морали и безупречной честности, в либеральнейшей из стран, в обществе, достигшем высших ступеней развития» [2, с. 26]. Там процветает либерализм и порядочность; улицы – чистые и прямые; еда – свежая и экологически чистая. Что касается России, там «повсюду ощущается атмосфера вечной запущенности – фирменный знак восточноевропейской тоски» [2, с. 305]. Россия, по его мнению, – страна «...безумных надежд, длинных очередей, лжи и галлюцинаций. ...Россия никогда не имела счастливого настоящего – только мрачное прошлое и счастливое будущее» [2, с. 384]. Брэдли высмеивал бедность, безответственность и беспринципность Восточных европейцев, «...надо дать пограничнику ветчины или другой какой еды. Они там голодают месяцами. ...В России никто не уважает законы. Всё продаётся и покупается» [2, с. 268].

Брэдли неизменно критиковал коммунизм. Вину за всё в восточноевропейских странах писатель возлагал на вышестоящих членов партии, которые всегда жили в капитализме, а народ – вне капитала, в бедности. По словам автора, «коммунизм никогда не имел настоящей экономики. Ленин забыл её изобрести. Всё работало на взятках, бартере и чёрном рынке»¹⁰ [1, р. 302]. Для Ленина историческим триумфом было кровопролитие, «чем обильнее, тем лучше» [2, с. 107]. Брэдли в указанных выше романах анализировал марксизм, рассуждал об уничтожении культа личности, свержении памятников¹¹, иностранных вторжениях, колонизации, сменах политических режимов, холодной войне, политзаключённых, эволюции буржуазного капитализма, отмывке нелегальных денег и пр.

Вторая мировая война, по мнению Брэдли, похожа на то, чем завершился Век Разума, оказавшийся неразумным и приведший к Великой французской революции, т.е. – к первому массовому кровопролитию, опустошению, которые и есть главные приметы современности. Оспаривание разумного прогресса, существования объективного знания, метафизики, субъекта; смешение культур и стирание всевозможных оппозиций и различий, – всё это способствовало формированию понятия «конец истории». Ситуация постмодернизма – «...это не просто посттехнологическая ситуация, феномен позднего капита-

⁹ «...Strange (and sometimes threatening) territory» [7].

¹⁰ «Communism never had a proper economy, Lenin forgot to invent one. It all worked by bribes, barter, and black market» [1, р. 302].

¹¹ «Высокий, чёрный, фаллический Феликс Дзержинский сошёл со своего ...пьедестала возле Лубянки. Свалился Сталин, Ленина повесили верхом вниз, бюст... Карл Маркс сошёл с постамент» («Tall, black, phallic Felix Dzerzhinsky came down from his ...pedestal outside the Lubyanka. Stalin toppled, Lenin was swung upside-down, the bust of ...Karl Marx came of the stand» [7, р. 334].

лизма, закат нарратив...» [8, с. 438], это – конец противоборства идеологий. Брэдбери писал: «...там, где когда-то под напором революционной толпы трещали огромные ворота, теперь бродят американские туристы с банками кока-колы, японцы фотографируют друг друга на фоне памятников, а ободренные русские новобранцы курят на ступеньках и пляшут на ...иностранок» [2, с. 324]. Люди ничего не знают и не помнят, поэтому не могут отличить плохое от хорошего, реальность от иллюзии. Прошлое смущает, а будущее – хаотичная загадка. Будущее – это то, что люди придумывают в настоящем, чтобы упорядочить прошлое. Люди обречены на вечное настоящее.

Брэдбери акцентировал конец гуманизма и истории, которым, по выражению Ф. Фукуямы, является «...конечная точка идеологической эволюции человечества и универсализация Западной либеральной демократии как последняя форма ...правления» [9, с. 85]. Для Брэдбери, как и для многих Западных теоретиков второй половины XX века, ситуация постмодернизма была временем после великих нарративов, ситуацией «...пасля гісторыі, культуры, рэлігіі, ідэалогіі, чалавека..., пасля ўсяго, што адбылося» [10, с. 135], как её описывает В. Акудович. Теория «постистуар», или «послеистории», по словам В. Вельша, подразумевает, что «...в дальнейшем нет оснований ожидать каких-либо инноваций. Исторические возможности исчерпаны...» [11]. Брэдбери говорил о «...конце homo historicus, индивидуума, усматривающего смысл или цель в истории» [8, с. 325]. Люди – несуществующие «я», исторически начинающие с самого начала. Постмодернизм предстаёт в романах Брэдбери как вечное постисторичное настоящее, которое сменило старую горькую человеческую историю со своей долей преступлений и обид: «мы живём... не в Историческую Эпоху, а в Конце Истории. Наше время – эра не идеологий, а шопинга. Политика превратилась в образ жизни, звёздные войны – в игру для видеоприставок, история – в ретро» [2, с. 108]; «...история стала сегодня чем-то вроде шумного музея: выставка блестящих погремушек, Мекка равнодушных паломников» [2, с. 325].

Жизнь в «вечном настоящем» в эпоху постмодернизма обусловлена эстетикой потребительского общества, в котором чувство истории подменено псевдоисторизмом, мимикрией, пастишем, что Брэдбери осуждал, высказываясь о необходимости истории, у которой есть побуждения, причины и следствия, об исторической цели и о роли каждого «я» в изменении окружающей среды, об историческом возрождении. Часто звучит апология субъективного, противостояние индивидуального гомогенному, ацентричному. Неповторимой человеческой личности должно принадлежать место в центре вселенной. Она – «...единственная причина всего, включая существование самого космоса...» [2, с. 525]. Задача людей «...заключается в том, чтобы реализовать наши “я”, изменяя окружающую среду. Усилить исторический потенциал до максимума» [12, с. 115]. Именно субъективное, индивидуальное способно восстановить историю: «подлинная история обитает в человеческих сердцах и домах, семьях счастливых и несчастных, среди банальностей и скучных бытовых подробностей» [2, с. 107].

Это относится не только к культурно-исторической ситуации, но и к литературной ситуации второй половины XX века. Брэдбери, как и многие другие английские авторы, не полностью разделял постмодернистские концепции. Экспериментируя с постмодернистскими приёмами повествования, писатель придерживался реалистической традиции, провозглашал традиционные гуманистические ценности, личностное начало. «...Пусть мы ...и существуем в готовом взорваться космосе, – как Брэдбери метафорично называет постмодернистскую культурно-историческую ситуацию, – всё равно наши “я”, нами же придуманные и взлелеянные, наше личное, персональное – по-прежнему ценно и дорого нам» [2, с. 463].

Заключение. Основными проблемно-тематическими идеями произведений М. Брэдбери является текстуализация субъекта, общества, культуры в целом; «конец истории», устранение идеологического противоборства, снятие оппозиций, смешение различных уровней дискурсов; осмысление истории и политики Европы. Специфический диапазон тем, составляющих проблематику и идеи произведений, опосредован в большой степени опытом автора – социально-политическими взглядами и научной деятельностью, которая подразумевает вовлечение в постструктуралистские и постмодернистские лингвистические, культурологические и философские идеи. В произведениях автора царит атмосфера фрустрации «распылённого», «дисперсного» (*dispersed*) субъекта в дисфункциональной, испытывающей кризис культуре постмодернизма. В произведениях Брэдбери присутствует образ автора – Западный европеец-либерал, интеллектual, сформированный процессами стандартизации личности, выступающий за восстановление традиционных гуманистических категорий и ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bradbury, M. Doctor Criminales / M. Bradbury. – London: Picador, 2000. – 352 p.
2. Брэдбери, М. В Эрмитаж! / М. Брэдбери; пер. с англ. М. Сапрыкиной. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 544 с.

3. Брэдбери, М. Обменные курсы: роман / М. Брэдбери; пер. с англ. Е. Доброхотовой-Майковой. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. – 397 с.
4. The History Man [Electronic resource] / M. Bradbury. – London: Secker & Warburg. – 1975. – Mode of access: <http://www.torrentreactor.net/torrents/2903163/Malcolm-Bradbury-The-History-Man>. – Date of access: 12.04.2008.
5. Bradbury, M. Composition / M. Bradbury // Modern British Short Stories; ed. by M. Bradbury. – London: Penguin Books Ltd., 1988. – P. 286 – 308.
6. Красавченко, Т.Н. Брэдбери, Малкольм / Т.Н. Красавченко // Энциклопедический словарь английской литературы XX века; отв. ред. А.П. Саруханян; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. – М.: Наука, 2005. – С. 85 – 87.
7. Doering, J.W. Malcolm Bradbury. A History Man For Our Times / J.W. Doering // Contemporary Review [Electronic resource]. – 2001. – Mode of access: <http://www.thefreelibrary.com/MALCOLM+BRADBURY%3A+A+HISTORY+MAN+FOR+OUR+TIMES.-a072986211>. – Date of access: 16.08.2009.
8. Брэдбери, М. Профессор Криминале / М. Брэдбери; перев. с англ. Б. Кузьминского, Г. Чхартишвили, Н. Старовской. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 432 с.
9. Фукуяма, Ф. Конец истории? / Ф. Фукуяма // Вопросы философии. – 1990. – № 3. – С. 84 – 118.
10. Акудовіч, В. Два няспраўджаных эсэ / В. Акудовіч // Разбурыць Парыж / В. Акудовіч. – Мінск: Логвінаў, 2004. – С. 120 – 140.
11. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – № 1. – 1992. – С. 109 – 136. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://aperlov.narod.ru/texts05/welsch.pdf>. – Дата доступа: 17.07.2010.
12. Брэдбери, М. Историческая личность: роман / М. Брэдбери; пер. с англ. И. Гуровой. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – 368 с.

Поступила 04.07.2013

SUBJECT'S TEXTUALIZATION AND THE "END OF HISTORY" IN M. BRADBURY' NOVELS

A. MARDANAU

The article deals with such thematic particularities of Bradbury's works as the textualization of the subject, society and culture, and the author's understanding of the Western and Eastern Europe history and the posthistorical postmodern situation. The author hyperbolized the subject's textual nature comparing his conscience and body with the text that enunciates its existence with the help of various semantic systems and that cannot be read unambiguously. The author projected the postmodernist text features on society as well. Bradbury's novels are heavily politicized. They often portray a naive liberal's actions and thoughts in a formerly "hostile" Eastern Europe who is dissatisfied with the "end of history" situation and wants to restore the undermined oppositions, to resist globalization, culture homogenization, identity standardization and individuality dispersion.